

- ¹⁵ См.: Население СССР. 1987. М., 1988. С. 8.
- ¹⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 140. Л. 10.
- ¹⁷ Там же. Л. 4.
- ¹⁸ См.: Постановление СНК СССР от 16 марта 1930 г. «Об устранении препятствий отходу крестьян на отхожие промыслы и сезонные работы» // Известия. 1930. 17 марта.
- ¹⁹ Сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 29. Л. 6; Д. 25. Л. 10, 11.
- ²⁰ См.: Труд в СССР : стат. справочник. М., 1936. С. 7.
- ²¹ Подсчитано по данным: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 25. Л. 10, 11.
- ²² См.: Данилов В. П. Указ. соч. С. 252, 253.
- ²³ Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского Правительства СССР. 1932. № 37. Отд. 1. С. 516–517.
- ²⁴ См.: Известия. 1933. 18 марта.
- ²⁵ См.: СССР в цифрах. М., 1935. С. 205.
- ²⁶ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 30. Л. 60–62.
- ²⁷ Исупов В. А. Демографические катастрофы и кризисы в России в первой половине XX века : Историко-демографические очерки. Новосибирск, 2000. С. 92.
- ²⁸ См.: Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М., 2001. С. 13.
- ²⁹ См.: Осокина Е. А. Жертвы голода 1933 года: Сколько их // История СССР. 1991. № 5. С. 19.
- ³⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5451. Оп. 43. Д. 67. Л. 245.
- ³¹ Там же. Л. 62.
- ³² Там же. Л. 245.
- ³³ Там же. Л. 142.
- ³⁴ ГАРФ. Л. 143.
- ³⁵ Там же. Л. 151.
- ³⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 3. Д. 913. Л. 7.
- ³⁷ Кондрашин В. В. Голод 1932–1933 годов в деревнях Поволжья // Вопр. истории. 1991. № 6. С. 176–178.
- ³⁸ См.: Кабанов В. В. Исторические источники советского периода // Источниковедение : Теория. История. Метод. Источники российской истории. М., 2000. С. 592.
- ³⁹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 8. Л. 31; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 33. Л. 4, 38.
- ⁴⁰ Сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 140. Л. 4, 8–10.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 226. Л. 31–31 об.
- ⁴² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 327. Л. 2–3; Д. 328. Л. 3.
- ⁴³ Сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 140. Л. 19, 23.
- ⁴⁴ См.: Ростовский И. А. Новый закон о браке, семье и опеке. 3-е изд. М., 1927. С. 30.
- ⁴⁵ См.: Черных А. И. Становление России советской. 20-е годы в зеркале социологии. М., 1998. С. 176.
- ⁴⁶ См.: ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 8. Л. 31.
- ⁴⁷ См.: Залкинд А. Б. Половой вопрос в условиях советской общности. Л., 1926. С. 57–58.
- ⁴⁸ См.: Черных А. И. Указ. соч. С. 182.
- ⁴⁹ Сост. по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 152. Л. 129–130; ГАРФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 8. Л. 31.
- ⁵⁰ См.: Араловец Н. А. Городская семья в России 1927–1959 гг. Тула, 2009. С. 75.
- ⁵¹ См.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 327. Л. 3; Д. 328. Л. 3.
- ⁵² Там же.

УДК 94(47).084.8

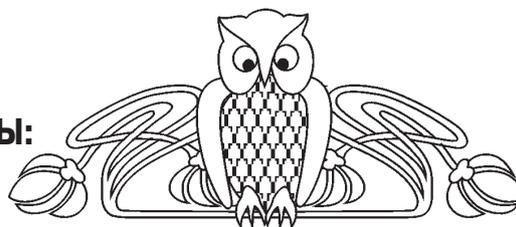
ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АДРЕСНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ОПЫТ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В. Н. Данилов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: danilovvik@yandex.ru

В статье на примере Саратовской области рассматривается важная составляющая социальной политики Советского государства в годы Великой Отечественной войны – оказание адресной поддержки слабо защищенным слоям населения. Анализируются характер и масштабы мер материальной помощи семьям военнослужащих, инвалидам войны, матерям и детям, людям, пострадавшим от авиационных бомбардировок. Показывается, что патерналистская социальная политика государства сочеталась с общественной взаимопомощью.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Саратовская область, социальная политика, адресная поддержка.

The Main Directions of the Targeted Social Assistance during the Great Patriotic War: the Experience of the Saratov Region

V. N. Danilov

In the article, an important component of the social policy of the Soviet state during the Great Patriotic War – providing targeted support for poorly protected sectors is considered by the example of the Saratov region. The nature and scale of the financial assistance to the families of the military, disabled veterans, mothers and children, people affected by air bombardments are analyzed. It is shown that the paternalistic social policy was combined with social and mutual assistance.

Key words: Great Patriotic War, Saratov region, social policy, targeted support.

DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-2-230-239

Социальная политика, проводимая государством, зависит от множества факторов, в том числе: от характера экономики и преобладающих в ней форм собственности; от социального состава общества и взаимоотношений его отдельных групп; от официальных идеологических установок и ментальных особенностей общественного сознания; ситуации, в которой та или иная страна находится в данный конкретный исторический момент. Во всех трех моделях государственной социальной политики, сложившихся в XX в. под влиянием вышеназванных и иных факторов – монетаристской, патерналистской и в рамках социальных государств с рыночной экономикой, – составным ее элементом является так называемая адресная поддержка слабо защищенных слоев населения. Особое значение она приобретает в экстремальных ситуациях, когда существует реальная угроза жизни целым группам населения. Для советской социальной политики таким особым периодом развития была Великая Отечественная война, когда государство взяло на себя ответственность за минимизацию последствий социальной катастрофы. Проводимая в годы войны политика по отношению к наиболее нуждающимся категориям населения (семьи военнослужащих, инвалиды войны, многодетные матери, дети, потерявшие родителей и др.), безусловно, носила черты преемственности с предшествующим периодом, а эффективность решения их проблем во многом зависела от достигнутых в то время результатов в различных секторах социальной сферы (жилье, медицина, образование и др.), но в то же время характер адресной помощи, способы ее реализации и объемы определялись возможностями и условиями 1941–1945 гг.

Помощь семьям фронтовиков

Масштабная мобилизация в армию привела к тому, что семьи военнослужащих стали одной из самых многочисленных и, вместе с тем, слабозащищенных категорий населения, требовавшей государственной и общественной поддержки. По состоянию на июнь 1944 г. в Саратовской области насчитывалось более 290 тыс. семей военнослужащих¹. Отношение к данной проблеме со стороны советского руководства уже с первых месяцев войны выражалось в лозунге: «Забота о семьях фронтовиков – половина заботы о Красной Армии». Газета «Правда» в передовой статье «Семья советского воина» отмечала, что в этой заботе будет проявляться неразрывная связь армии с народом, несокрушимое единство фронта и тыла². Эта политика, безусловно, исходила из соображений обеспечения боеспособности действующей армии, поскольку моральное состояние солдат во многом зависело от уверенности в благополучии их родных и близких. Как известно, материальные пособия семьям военнослужащих выдавались и царским правительством в годы Первой мировой войны, размер которых в связи с ростом цен на

продовольствие увеличился с 2 руб. в 1914 г. до 4 руб. в 1917 г.

Основным документом, регламентировавшим взаимоотношения органов власти и семей фронтовиков в годы Великой Отечественной войны, являлся Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 г. «О порядке назначения и выплаты пособия семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время». Для его реализации в каждом городе и каждом районе страны создавались комиссии, обязанные рассматривать в трехдневный срок заявления о назначении пособий. Пособия семьям фронтовиков должны были выплачиваться ежемесячно по месту жительства в сумме от 100 до 250 руб. в зависимости от количества нетрудоспособных в семье (для сравнения среднемесячная зарплата рабочих и служащих в Саратове в 1943 г. составляла 414 руб.). В сельской местности размер пособия уменьшался на 50%. Тогда же органы государственной власти приступили к назначению и выплате пенсий семьям погибших на фронте воинов³. Семьям лиц, награжденных орденами и медалями, производились дополнительные денежные выплаты. Кроме пенсий и пособий, семьям военнослужащих полагались значительные льготы по налогам⁴, по оплате за квартиру, им должны были оказывать содействие при устройстве на временное место жительства, при определении детей в ясли и детские учреждения и т. д.

Сразу же после опубликования указа в крае развернулась работа по его реализации. Уже 28 июня 1941 г. решением Саратовского облисполкома вводилась практика систематической проверки правильности назначения и выдачи денежных средств семьям начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной армии (РККА). Этим же решением определялось первоочередное обеспечение семей военных топливом и ремонт их жилья⁵. Но своевременно и в достаточной мере выполнить все это не удалось. К тому же местные органы власти обязаны были обеспечить выполнение указа не только для коренных жителей, но и для семей военнослужащих, вновь прибывающих по эвакуации, численность которых постоянно увеличивалась и к концу 1943 г. составила более 54 тыс. человек⁶ 20 сентября 1941 г. облисполком предписал завезти товары в торгующие организации районов для реализации среди эвакуированных семей военнослужащих, причём не допускалась реализация данной продукции среди других контингентов⁷.

Как видим, эвакуированные семьи фронтовиков практически сразу были выделены в особую категорию. В силу своего наиболее уязвимо материального положения именно они особенно остро реагировали на имевшиеся факты бездушного, бюрократического отношения к их нуждам со стороны руководителей местных госучреждений, предприятий и колхозов, чаще других обращались с жалобами не только в местные советские органы,

но и в вышестоящие партийные инстанции. Главным образом по этой причине бюро Саратовского обкома ВКП (б) 28 октября 1941 г. вынуждено было признать, что «состояние дел с приемом и рассмотрением жалоб трудящихся и семей призванных в ряды РККА в отдельных исполкомах местных Советов находится в неудовлетворительном состоянии... Прием посетителей не организован... Многие жалобы лежат без движения и не рассматривались с июля и августа месяцев»⁸. Для того чтобы «с исключительной чуткостью реагировать на каждую жалобу» и «окружить особым вниманием и заботой семьи военнослужащих, точно соблюдая Указ Президиума Верховного Совета СССР о назначении пособия», бюро обкома потребовало привлечь к этой работе депутатов и актив, результаты работы по рассмотрению жалоб заслушать на заседаниях райкомов и горкомов ВКП (б)⁹.

В последующем неоднократно принимались решения по улучшению материального положения родных и близких фронтовиков. Так, 9 сентября 1942 г. Саратовский обком ВКП (б) вынес специальное решение «Об эвакуированных семьях начальствующего состава Красной Армии», согласно которому исполкомы райгорсоветов при посредничестве облторготдела и облпотребсоюза должны были обеспечить продуктивное снабжение указанных семей¹⁰. 17 ноября 1942 г. Саратовский горсовет распорядился израсходовать за счёт экономии средств 5 тыс. руб. на оказание помощи семьям начсостава РККА и эвакуированным¹¹. Судя по докладной записке, отправленной из обкома в Москву в сентябре 1942 г., их материально-бытовое положение было действительно улучшено. В Энгельсе была организована специальная столовая, в Терновском районе ремонтно-пошивочная мастерская, а в Саратове – касса взаимопомощи. Более 7 550 детей были охвачены яслями и детсадами, было засеяно 754 га индивидуальных огородов¹². В Аркадакском районе всех трудоспособных семей обеспечили работой, также был организован коллективный огород райвоенкомата, с которого снабжалось значительное число граждан¹³. Деньги, получаемые по аттестату за служащего в армии, и собственные заработки могли обеспечить относительно достойное существование и в условиях войны. Ежемесячно органы соцобеспечения выдавали по области пособий на сумму 10 млн рублей¹⁴. В 1943 г. правительство для эвакуированных семей военных выделило 55 тыс. пайков¹⁵.

Однако долгое время работа по социальной поддержке семей военнослужащих не имела необходимой четкости, не были в должной мере объединены усилия государства и общества. Поэтому 22 января 1943 г. ЦК ВКП (б) вынужден был принять постановление «О мерах улучшения работы советских органов и местных парторганизаций по оказанию помощи семьям военнослужащих». Согласно ему при исполкомах Советов были созданы специальные отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей во-

еннослужащих. К концу 1943 г. в Саратовской области численность сотрудников этих отделов составляла 587 человек¹⁶. Они должны были следить за правильным и своевременным назначением и выплатой пособий и пенсий семьям фронтовиков и инвалидам войны, контролировать реализацию предоставленных им льгот, трудоустраивать членов семей военнослужащих, разбирать заявления, жалобы последних и др. Прямую ответственность за это стали нести также работники военных отделов горрайпарткомов. В своем отчете военный отдел Балашовского горкома ВКП (б) в июле 1944 г. отметил, что 50 % рабочего времени он тратил на разбор заявлений и жалоб семей военнослужащих¹⁷.

Со времени выхода постановления ЦК ВКП (б) вопросы оказания помощи семьям фронтовиков, по сути дела, не сходили с повесток заседаний горкомов и райкомов ВКП (б), исполкомов Советов. Представители местной власти обсуждали проблемы выдачи пенсий и пособий семьям военнослужащих, обеспечения продуктами питания и промтоварами, создания для них необходимых жилищных условий. Саратовский облсовет дважды выносил данный вопрос на сессии – в июле 1943 г. (восьмая) и в марте 1945 г. (двенадцатая). Работники, допускавшие, как тогда говорили, «формально-бюрократическое отношение» к семьям фронтовиков, строго наказывались. Так, в феврале 1943 г. за незаконное выселение из квартиры семьи военнослужащего был снят с должности и исключен из партии заместитель председателя Саратовского горисполкома А. П. Дорохов¹⁸. Постоянно выявлялись семьи военнослужащих, которые незаконно облагались различными видами налогов. Так, в результате проверки по решению облисполкома от 26 декабря 1944 г. в 20 районах области таковых было выявлено 453 семьи. Даже в марте – апреле 1945 г. контролирующие органы обнаружили 2 тыс. семей военнослужащих, незаконно обложенных налогами и натуральными поставками, и 259 семей, незаконно обложенных финансовыми платежами¹⁹.

По имеющимся данным, по области, без учета города Саратова, в годы Великой Отечественной войны государственная помощь оказывалась почти 109 тыс. семьям фронтовиков, которым было выплачено пособий и пенсий на сумму более 277 млн рублей. Свыше 292,5 млн руб. им было выдано в порядке единовременной помощи²⁰. Чтобы судить о масштабах этих выплат можно привести следующее сравнение: весь фонд зарплаты рабочих и служащих города Саратова составлял в 1943 г. 385 млн рублей²¹. Кроме того, в конце войны почти 24,5 тыс. семей, потерявших на фронте кормильцев, получали пенсии и им было выдано 3 млн руб. единовременных пособий. Важным фактом государственной поддержки было то, что за время войны органы гособеспечения трудоустроили по области более 170 тыс. членов семей военнослужащих, а в детские учреждения только в Саратове

определили более 12 тыс. детей военных²². В школах дети фронтовиков получали бесплатные завтраки, остро нуждающиеся обеспечивались одеждой и обувью.

Для семей военнослужащих наряду с государственной большое значение имела общественная помощь. С этой целью был создан специальный фонд, в который в 1943–1945 гг. от населения Саратовской области поступило почти 13 млн рублей. Для пополнения этого фонда по инициативе тружеников Аткарского района в колхозах стали засеиваться специальные поля, площадь которых в 1944 г. составила 1,5 тыс. га, и было получено более 6 тыс. ц урожая зерновых²³. Сами семьи военнослужащих в первоочередном порядке получали земли под огороды и обеспечивались семенами.

Несколько раз в военные годы и даже после ее окончания в области проводились декадни и месячники помощи семьям фронтовиков. В частности, во время одного такого месячника в октябре – ноябре 1944 г. было собрано 400 тыс. пудов сельскохозяйственных продуктов, более 2 млн руб. денег, предоставлено 1 390 квартир, свыше 150 голов крупного рогатого скота и завезено 286 тыс. кубометров дров²⁴. Материальное и морально-политическое значение такой формы опосредованной помощи фронту было оценено советским руководством. В декабре 1944 г. на имя первого секретаря обкома ВКП (б) Комарова и председателя облисполкома Кузьмина пришло письмо от Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина, которое гласило: «Передайте трудящимся Саратовской области, собравшим два миллиона сто семьдесят тысяч сто девяносто пять рублей деньгами, продовольственные продукты и вещи в фонд помощи семьям фронтовиков, мой братский привет и благодарность Красной Армии»²⁵. Но не менее важным было то, что в такого рода делах проявлялась людская солидарность, столь необходимая в трудное время военного лихолетья.

Забота об инвалидах войны

Чем дольше шла война, тем больше становилось тех, кто получил увечье в результате ранения или тяжелое заболевание на фронте. Уже через год в области насчитывалось до 10 тыс. инвалидов Великой Отечественной войны, а в 1945 г. – почти 31 тыс.²⁶ Основным способом социальной реабилитации инвалидов стало предоставление им возможности трудиться. В этих целях 6 мая 1942 г. СНК СССР принял специальное постановление о трудоустройстве воинов, потерявших на войне здоровье. Руководители предприятий и учреждений обязывались в кратчайший срок и без задержки предоставлять инвалидам войны посильную для них работу. Для приобретения ими специальности создавались курсы и учебно-производственные мастерские. В соответствии с этим правительственным решением в Саратовской области было трудоустроено к концу войны 85 %

инвалидов. Кроме того, 1625 человек проходили производственное обучение²⁷.

Значительное число инвалидов войны после возвращения домой стали трудиться на руководящих должностях, в немалой степени потому, что имелся острый недостаток мужчин, прежде всего, на селе. Из 16 587 инвалидов, проживавших в начале мая 1944 г. на территории Саратовской области, свыше 300 человек работали директорами предприятий, около 300 – председателями колхозов, 260 – председателями сельсоветов, более 700 – бригадирами. Но было немало тех, кто смог устроиться только на неквалифицированную работу. В Аткарске, например, на это время свыше 70 % трудоустроенных инвалидов войны работали сторожами и чернорабочими²⁸.

Тот, кто не мог обеспечить себя и семью своим трудом, получал пенсию. По данным на 1 января 1945 г., в городах и селах края насчитывалось 18 тыс. инвалидов войны – пенсионеров. Им ежемесячно выплачивалось 3 млн руб. пенсий в порядке социального обеспечения и, помимо пенсий в виде единовременных пособий, выдавалось ежегодно 700 тыс. рублей²⁹. Материальная помощь инвалидам шла также от общественных организаций – профсоюзов и комсомола, которые для этой цели проводили различные мероприятия. В 1945 г., например, инвалидам войны по общественной линии в области было выдано: 503 ц муки (крупы), 208 тыс. руб. денег, отремонтировано 907 домов и квартир, передано 133 головы скота³⁰. Коллектив саратовского протезного завода в первом квартале 1945 г. изготовил 1 600 протезов и 1 220 пар протезно-ортопедических устройств. На территории края для инвалидов войны было создано 2 интерната общего типа на 250 мест каждый и интернат на 120 коек для больных туберкулезом, открыт дом отдыха³¹. Все это, безусловно, позволяло воинам, отдавшим свое здоровье в боях с врагом, ощущать себя не забытыми со стороны государства и общества. Но помощь, к сожалению, была недостаточной, поскольку страна, испытывавшая колоссальное напряжение в войне, не могла выделить больших средств. Не все инвалиды войны смогли безболезненно адаптироваться к новым для себя условиям жизни, попадая затем в категорию социально неблагополучного населения.

Охрана материнства и детства

Трудности военного времени значительно сузили финансовые и материальные возможности осуществления и социальной политики в отношении материнства и детства. В первые годы войны были снижены государственные расходы на пособия по беременности и родам: в 1942–1943 гг. они составляли четверть довоенного уровня, что, учитывая даже сокращение уровня рождаемости, было весьма скромным. Положение стало меняться после выхода Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении

государственной помощи беременным женщинам, многодетным матерям, усилении охраны материнства и детства», который преследовал, прежде всего, цель преодоления кризисной демографической ситуации путем различных видов материального и морального поощрения рождаемости. Указ вводил почетные награды многодетным матерям, предусматривал рост государственной помощи одиноким и многодетным матерям, увеличение отпуска по беременности и родам, запрещение с 4 месяцев беременности сверхурочных работ, а также устанавливал дополнительные нормы продовольственного снабжения беременных и кормящих матерей.

Согласно изданному 8 июля 1944 г. указу в Саратове и области дополнительные материальные льготы получило 12 тыс. женщин. К весне 1945 г. было выплачено государственных пособий многодетным и одиноким матерям на сумму почти 3,5 млн руб., в том числе более 1,6 млн единовременной помощи одиноким матерям. До конца войны свыше 2,5 тыс. женщин было награждено орденами «Материнская слава» и «Медалью материнства», 23 многодетные матери отмечены почетным званием «Мать-героиня» (всего подлежало награждению по области около 25 тыс. женщин-матерей)³². Поскольку война отрицательно сказалась на лактационной способности многих матерей и увеличилось число новорожденных, нуждавшихся в прикармливании, то в Саратове и других городах области при женских консультациях организовывались пункты сбора грудного молока. Перестраивалась работа молочных кухонь: они превращались в своеобразные «пищевые станции», где готовилось полное дневное питание детей, их персонал переводился на график работы в 2–3 смены. Разумеется, в сельской местности таких возможностей для помощи молодым матерям не было.

Советское государство в военное время отчетливо осознавало необходимость для полноценного выполнения женщинами-матерями производственных задач усиления роли общественного призрения малолетних детей. Саратов и область имели достаточно хорошие количественные показатели развития сети детских дошкольных учреждений в

1940–1945 гг., что можно видеть из статистических данных, приведенных в таблице.

Данные таблицы свидетельствуют о том, что за военный период количество самих детских дошкольных учреждений и число воспитывавшихся в них детей в регионе значительно увеличилось. По детским садам это увеличение составило 1,5 и 2 раза соответственно. Сокращение контингента детей в садах, произошедшее в последний военный год, можно объяснить падением до этого рождаемости, поскольку при снижении платы за посещение по указу от 8 июля 1944 г. число самих детских садов выросло. Следует учесть, что самостоятельно местный бюджет не мог справиться с возложенным на него бременем расходов по обеспечению всем необходимым детских яслей и садов, поэтому местные власти часть расходов переложили на предприятия, колхозы и совхозы. Само же расширение сети дошкольных учреждений происходило с неизбежными при таком деле издержками: постоянно возникали проблемы с обеспечением помещениями, оборудованием и продовольствием. Но, несмотря на сложности, большая часть детей дошкольного возраста в течение рабочего дня находилась на попечении государственных органов, что позволяло матерям выполнять производственные задания, внося свой вклад в достижение Победы.

Общее тяжелое положение в стране не могло не привести к ухудшению медицинского обслуживания детей, ослаблению контроля за соблюдением ими санитарно-гигиенических норм. Если сеть специальных детских медицинских учреждений в Саратове и области практически не сократилась, то уже с 1942 г. регион постоянно испытывал острый дефицит педиатрических кадров, поэтому оставшимся медикам приходилось трудиться вдвойне и втройне, чтобы следить за здоровьем детей. С началом войны среди детей стало прогрессировать число простудных и инфекционных заболеваний, в том числе туберкулезных. Причины этого крылись в ухудшении санитарно-гигиенических условий и питания детей. В саратовских детских садах, например, даже до сокращения пайковых норм в ноябре 1943 г. выделяемые фонды питания

Развитие сети детских дошкольных учреждений в Саратовской области в годы Великой Отечественной войны

	Год					
	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Постоянные детские ясли, в т. ч. в Саратове	225 41	231 45	237 45	242 45	237 40	248 н.д.
Места в детяслях, в т. ч. в Саратове	8403 2902	10124 3942	10558 3926	10843 3653	10540 33160	11048 н.д.
Число детских садов, в т. ч. в Саратове	269 67	259 72	н.д. н.д.	299 74	376 90	414 91
Количество в них детей, в т. ч. в Саратове	11139 4153	14867 6272	н.д. н.д.	20579 7280	24508 7387	23794 6676
Число воспитателей детсадов, в т. ч. в Саратове	818 287	934 366	н.д. н.д.	1390 480	1533 519	1576 484

Примечание. Сост. по: ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 13. Д. 4. Л. 13, 34.

позволяли получать в день только 740 калорий вместо положенных 1200³³. Поэтому государство вынуждено было искать компенсирующие способы охраны здоровья детей. Наркомторг предписал торгующим организациям бронировать для детей такие важные продукты, как манная крупа и рис, а детям до 12 лет отпускать молоко. В школах всех городов и поселков были введены завтраки, для школьников дополнительно отпускалось по 50 г хлеба и 10 г сахара в день. Горячие завтраки из колхозных средств выдавались и в большинстве сельских школ. Для детей, особо нуждавшихся в усиленном и диетическом питании, были организованы специальные столовые. В Саратове уже в 1942 г. к ним было прикреплено 2 тыс. школьников, а в 1944 г. в специальных столовых питалось 6 тыс. ребят³⁴.

Великая Отечественная оставила по разным причинам (гибель на фронте, эвакуация и беженство, тяжелое заболевание) тысячи детей без родителей, заботу о которых взяло на себя государство. В данном случае стояла задача обеспечить не только их физическое существование, но и воспитание в качестве полноценных членов советского общества. Власть стремилась также не допустить разрастания такого негативного социального явления, как детская беспризорность, опасность которого наглядно проявилась в годы Гражданской войны и сразу после ее окончания³⁵. Основные направления политики в этой области были определены постановлением СНК СССР от 22 января 1942 г. «Об устройстве детей, оставшихся без родителей». На различных уровнях создавались комиссии по устройству детей-сирот, куда входили представители органов народного образования, здравоохранения и общественных организаций, а также органов милиции, при которых организовывались приемники-распределители. Практически ежемесячно в Саратове проводились с участием комсомольцев милицейские рейды по вокзалам и улицам, отдельным районам с целью выявления беспризорных детей. Дети, достигшие 14-летнего возраста, трудоустраивались, те, кто имел начальное образование, направлялись для обучения в школы фабрично-заводского обучения, ремесленные и железнодорожные училища. Возрождались институт усыновления, опеки и патронаж. Новой формой устройства детей, родители которых погибли на фронте, являлись суворовские военные училища с семилетним сроком обучения. В 1944 г. суворовское училище было создано и в Саратове.

Конечно, работа по социальному признанию детей, лишившихся родителей или потерявших с ними связь, была далека от идеальной, в ней имелись и сбои, в том числе в работе по учету беспризорных детей. Выросла преступность со стороны беспризорных и безнадзорных детей. Однако это не должно умалить значения того, что было сделано в годы Великой Отечественной войны по устройству и воспитанию детей-сирот. Уже к середине февраля 1942 г. различными семьями в

Саратове было усыновлено 124 ребенка³⁶. Детей, потерявших родителей, стали брать на воспитание колхозы и совхозы области. К 1943 г. 16 колхозов воспитывало по 10–25 человек осиротевших детей каждый. Всего за годы войны в Саратовской области из 9 917 учтенных детей-сирот было усыновлено 369, находились на патронате 3 487 детей, но большинство из них – 6 061 человек – как и ранее, размещались в детских домах³⁷.

Помощь детским домам

К началу войны на территории Саратовской области располагался 31 детский дом, в которых находилось 3655 воспитанников. В основном это были дети, чьи родители умерли в голодные 1932–1933 гг. или были репрессированы. Во второй половине 1941 г. в область были эвакуированы детские дома из Минска, Москвы, Одессы, Евпатории, из Гомельской, Могилевской, Житомирской, Ворошиловградской, Полтавской, Запорожской и других западных областей СССР (всего более 20)³⁸. Кроме того, в октябре–ноябре 1941 г. в область прибыло по эвакуации почти 3,5 тыс. детей, учеников московских школ, которые были размещены в 31 интернате, ставших в сущности такими же детскими домами³⁹. Они располагались преимущественно в районах бывшей Немреспублики. В декабре 1941 г. в Саратовской области насчитывалось 96 детских учреждений (школьных, дошкольных и смешанных детдомов, детских домов с особым режимом, специальных школ, школьных и дошкольных интернатов) с количеством детей 14013 человек⁴⁰. Количество воспитанников в детских домах постоянно пополнялось до 1944 г. Только за июнь 1943 г. область приняла из Смоленска и Курска 840 человек. Ежедневно из приемников НКВД в детские дома прибывало по 50–60 человек⁴¹. Детские дома были размещены практически по всем районам области, четыре из них находились в городе Саратове.

Если «старые» детские дома, несмотря на ухудшение общего материального положения, продолжали работать в прежнем режиме: многие из них имели свои приусадебные участки и запас овощей был достаточным, чтобы прокормить себя, то прибывшие в назначенные районы размещения детские учреждения испытывали острую нехватку в продуктах питания, а также в оборудовании, постельных принадлежностях, топливе, одежде и обуви. Все эти проблемы предстояло решить местным властям в течение первых месяцев. Из местного бюджета выкраивались сотни тысяч рублей для приобретения белья, теплой обуви и одежды. Новым детским домам и интернатам было передано имущество расформированных педучилищ, оборудование местных детдомов, на предприятиях изготавливалась мебель⁴². С 1 января 1942 г. облисполком установил норму выдачи хлеба в детских домах по норме снабжения рабочих – 600 грамм на одного воспитанника⁴³. Но отпуск продуктов

с баз торгующих организаций зачастую должным образом не был организован, со стороны недобросовестных работников снабженческих учреждений имелись злоупотребления: недодача, замена одних продуктов другими. Проверяющие органы еще долго констатировали недостатки в организации питания детдомовцев. Да и ограниченность самих продовольственных ресурсов не позволяла поднять уровень снабжения до должного. Так, по детским домам области только за 1942 г. было недорасходовано на питание более 4,8 млн руб. бюджетных средств⁴⁴.

Из-за недостатка времени многие детские дома были организованы на «скорую руку», помещения плохо отапливались и не всегда отвечали санитарным требованиям, находились в селах, удаленных от районных врачебных пунктов. Штатным расписанием некоторых интернатов медицинские работники вообще не предусматривались. Участковые врачи были просто не в состоянии охватить медицинской помощью все детские дома. Поэтому в детских домах и интернатах зимой – весной 1942 г. имелись массовые заболевания не только гриппом, но и туберкулезом, корью, скарлатиной, болезнями желудочно-кишечного тракта. Специально врачебно-медицинский персонал стал прикрепляться к каждому детскому дому и интернату после выхода постановления СНК СССР от 1 сентября 1943 г. «Об улучшении работы детских домов».

Тем не менее постепенно жизнь в детских домах налаживалась. Ряд из них были переведены в другие более просторные помещения, они пополнялись инвентарем, мебелью, оборудованием, выделялись дополнительные наряды на одежду и обувь. Начиная с января 1942 г. комсомольцы стали собирать среди населения вещи, отрабатывали в пользу детдомовцев сверхурочные часы. Так, молодые работницы фабрики имени Крупской в апреле 1942 г. изготовили 100 трикотажных костюмов, отправленных затем в детские дома⁴⁵. Многие колхозы и совхозы брали шефство над детскими домами, главной целью которой являлась помощь в оборудовании, снабжении продуктами и проведении культурно-массовых мероприятий. Саратовский пединститут, например, в порядке шефства выделил детскому дому № 3 недостающее количество кроватей, матрасов, укомплектовал библиотеку. Коллектив завода № 446 оборудовал для детского дома кинозал, снабдил топливом, отремонтировал мебель⁴⁶. Без особых директив и указов народ старался из своих запасов поддерживать силы детей, выдавая им завтраки в школах, муку и другие продукты, помогая организовать работу в подсобных хозяйствах. Все это позволило тысячам детей, которых взяло на воспитание государство, сохранить здоровье, дать школьное образование. Немало бывших детдомовцев уже в годы войны были зачислены в ремесленные училища и школы ФЗО и стали работать на производстве. Среди воспи-

танников саратовских детдомов военного периода есть известные всей стране люди – заслуженный учитель РСФСР Н. С. Войцеховская, писатель В. Б. Разин, по книге которого о жизни детского дома в Хвалынске «Подранки» снят известный кинофильм, крупный советский и российский государственный деятель А. И. Вольский.

Из всех детских домов, находившихся все время на территории Саратовской области, самым известным, пожалуй, являлся детский дом № 1, который носил еще название «Красный городок». Он был организован задолго до войны, а в 1941–1945 гг. там жили преимущественно дети дошкольного и школьного возрастов из Могилева, Минска, Киева, Смоленска, Сталинграда, всего 465 воспитанников⁴⁷. В детском доме подобрался очень хороший коллектив педагогов. Все воспитанники занимались в кружках: хоровом, драматическом и других, организованных талантливыми руководителями. В детдоме существовал оркестр, которым руководил бывший директор театра имени Чернышевского В. Широков. Духовой оркестр выступал на различных площадках города Саратова, зарабатывал деньги, которые шли в общую кассу, и на них приобретали необходимые детдому вещи. В «Красном городке» воспитанники многое делали сами: заготавливали топливо, работали на приусадебном участке и в мастерских (трикотажной, слесарной, столярной). Детдомовские мастерские работали и по заказам предприятий. Так, в токарной мастерской выполняли заказы авиационного завода, а в механической – пригородных колхозов. Кроме того, детский дом имел свою свиноферму, лошадей, кроликов⁴⁸. Но, главное, что все военные годы дети школьного возраста напряженно и успешно учились.

Значительную часть эвакуированных в Саратовскую область детдомовцев составляли испанские дети, попавшие в СССР в результате гражданской войны в этой стране. С сентября 1941 г. по январь 1942 г. на территорию края прибыли четыре испанских детских дома, насчитывавших более 1400 детей, что составляло треть всех испанских детей, находившихся к тому времени в СССР, 248 из них вскоре были в ФЗО и РУ⁴⁹. Два детских дома № 1 и № 5, прибывшие из Московской области, размещались соответственно в селе Куккус (Приволжское) и селе Базеле (Васильевское), детский дом № 3 из Краснодарского края был направлен в Саратов, а № 6 из Евпатории – в село Орловское Марксовского района. Так как большинство воспитанников детдома № 6 было направлено учиться в ремесленные училища и школы ФЗО, то в сентябре 1942 г. в село Орловское перевели 215 детей из саратовского детдома № 3, который вскоре был упразднен. Таким образом, к осени второго года войны все испанские детдома разместились в сельской местности, в большинстве случаев в малоприспособленных для жилья и учебы помещениях, что вызывало серьезные трудности. Трудности пребывания испанских детских

домов в Саратовской области усугублялись тем, что среди детей было очень много больных, особенно туберкулезом (до 1/3 в отдельных детдомах), были случаи смертельного исхода болезни⁵⁰.

В письме, отправленном в ЦК ВКП (б) в мае 1942 г., Саратовский обком указал, что испанские детские дома взяты местными властями на особый контроль и им была оказана дополнительная помощь. В частности, детдомам была выделена земля, предоставлены семена для посева, передано несколько голов крупного рогатого скота и свиней, чтобы улучшить снабжение продуктами питания. С целью налаживания более калорийного питания детдомам выделялось свыше 1 т муки в месяц, столько же круп, 1 т мяса, более 3 т рыбы, 740 кг животного и 1 т растительного масла, 10 тыс. яиц, около 12 т молока и свыше 1,5 т сахара в квартал⁵¹. Учитывая трудности снабжения продуктами населения тыла в военный период, питание испанских детей, даже если не все эти продукты получались своевременно и полностью, выглядело очень калорийным. В целях улучшения медицинского обслуживания в испанские детские дома были направлены врачи, проведено тщательное обследование всех детей, решено было открыть детский санаторий на 11-й Дачной остановке в Саратове и санаторный лагерь на Шумейке для больных детей. Принимались меры к снабжению одеждой и обувью, поскольку эвакуация прошла в спешке, ничего с собой не успели взять: не было летней одежды, только четверть детей имели обувь⁵².

В 1942–1944 гг. Саратовский обком ВКП (б) и облисполком по результатам периодических проверок принял несколько постановлений, направленных на улучшение состояния испанских детдомов, на улучшение снабжения их продуктами и одеждой, на поднятие уровня воспитательной работы. В связи с сокращением числа испанских детей, оставшихся в детдомах, и открытием санаторного детского дома в селе Алексеевка летом 1943 г. было принято решение закрыть детский дом № 5 в селе Васильевское. Осенью 1943 г. по письму Генерального секретаря компартии Испании Долорес Ибаррури осуществлялись мероприятия по улучшению условий жизни испанских юношей и девушек, бывших детдомовцев, которые обучались в учебных заведениях Саратова⁵³.

Летом 1944 г. на основании постановления СНК СССР от 25 апреля 1944 г. «Об улучшении условий работы детских домов для испанских детей, находящихся в СССР» оставшиеся к тому времени в детских домах Саратовской области испанские дети были реэвакуированы. Пребывание в Саратовской области в течение почти трех лет явилось важным этапом в жизни более тысячи испанских детей и подростков; многие из них полюбили новую страну, она для них стала второй родиной. Не случайно, что не все испанцы, воспитывавшиеся в советских детских домах, захотели вернуться в Испанию, когда это стало возможным.

Оказание помощи пострадавшим от бомбардировок

Во время авиационных налетов противника 1942 и 1943 гг. был не только нанесен существенный ущерб промышленным и транспортным объектам Саратова и других городов области, но и пострадали сотни людей из гражданского населения, их дома и имущество. Местные органы власти и руководство предприятий вынуждены были решать задачи по изысканию средств для оказания материальной помощи пострадавшим и лечения тех, кто получил ранения и ожоги. Эту практически неизвестную страницу местной истории детально покажем на примере оказания помощи жителям Сталинского (Заводского) района после июньских 1943 г. бомбардировок Саратова.

Сразу же после первого налета в ночь с 12 на 13 июня президиум исполкома Сталинского райсовета создал специальную комиссию из пяти человек во главе с заместителем председателя райисполкома Чедией по оказанию помощи пострадавшему населению. Для оказания ей практического содействия были выделены представители от горкома ВКП (б) и горисполкома, а для выявления и учета пострадавших, размеров бедствия был послан районный актив (работники аппарата райкома, райисполкома, депутаты городского и районного советов)⁵⁴. Комиссия и актив работали достаточно четко, но в тех условиях трудно было решить все вопросы с максимальной оперативностью и охватить всех сразу своим вниманием.

Наиболее важной и трудной задачей являлось расселение в городе около 700 пострадавших семей и вывоз временно части их в районы области, поскольку для быстрого ремонта разрушенных жилищ отсутствовали строительные материалы. За период с 14 по 28 июня 1943 г. из районов крекинг-завода, Увека, Красной Слободки и поселка авиационного завода были вывезены 403 семьи (1218 человек), из них в селения за пределы города – 256 семей, в черте города (на специально выделенные квартиры, по родным и знакомым) – 147 семей⁵⁵. По договоренности с облисполкомом до 350 человек расселялись в Хмелевке, Багаевке, Синеньких, Курдюме и других пунктах Ворошиловского (Саратовского) района, прилегающих к заводам. Около 90 человек размещались в общежитиях на 3-м жилучастке авиационного завода⁵⁶. В течение 12 часов после вражеского налета на завод им. Ленина в безопасные места были вывезены 167 семей из примыкавших к заводу домов, 34 семьям предоставлялись квартиры. 47 семей, пострадавших при пожаре сарТЭЦ, разместили на жилой площади электростанции и у родных и знакомых в микрорайоне Пролетарка. Еще несколько десятков семей были отправлены в различные районы области⁵⁷. Более 300 детей, находившихся в детских учреждениях Сталинского района, на лето перевезли в пионерские лагеря и на дачи в Игуменском ущелье и на 2-й Дачной остановке.

232 учащихся и персонал 7-го ремесленного училища при крекинг-заводе вывезли в совхоз села Вольновки⁵⁸. Для перемещения всей этой массы людей городские и районные власти выделили необходимый автотранспорт.

Распоряжением председателя горисполкома был принят ряд мер по обеспечению пострадавших продуктами и частично одеждой. В первый же день пострадавшим было доставлено и выдано без карточек 3 т хлеба (из расчета 400 г на человека); в то же время работники карточного бюро по заключению комиссии выдавали карточки тем, кто их утерял. Помимо хлеба выдавались овощи, а в столовой ремесленного училища № 14 с 10 до 18 часов был организован отпуск обедов. Такая же работа проводилась и в последующие дни налетов авиации противника. С 18 июня 1943 г. комиссия по оказанию помощи населению приступила к выдаче талонов на получение промтоваров (белья, подушек и т. п.)⁵⁹.

Наряду с помощью, которая оказывалась по муниципальной линии, пострадавшим жителям Сталинского района летом 1943 г. была оказана материальная поддержка и со стороны предприятий. Для этой цели на крекинг-заводе им. Кирова, например, тоже была создана специальная комиссия, которой было организован уход за ранеными в больницах, выдача хлеба и горячего питания в заводской столовой. 127 семьям завод выдал нательное белье, верхнюю одежду и обувь – на каждого человека в среднем по 10–12 вещей⁶⁰. На авиационном заводе организацией помощи пострадавшим занимался комитет профсоюза. Здесь денежная помощь составила сумму 106 тыс. рублей; 192 семьям выделили ордера на получение промтоваров. Для помощи заводу из колхозов поступали обозы с овощами и молоком. 11 семей погибших получили по 3–5 тыс. руб., пуду муки, пуду крупы, 6 кг мясных продуктов, 2 кг варенья, 3 кг меда, 50 яиц и промтовары. 16 раненым рабочим, находившимся на лечении в больнице, была оказана единовременная помощь: им было выдано по 4 кг сметаны, полкило масла, 20 яиц. Ежедневно всем пострадавшим выделялось по литру молока и полкило хлеба⁶¹. Пострадавшие рабочие с СарГЭЦ получили промтоварные карточки на сумму около 50 тыс. руб.; для многодетных рабочих в течение четырех дней выдавались одноразовые талоны в столовую электростанции. Примерно такая же, как на указанных предприятиях, материальная помощь тогда оказывалась пострадавшим от бомбардировок на заводах № 195, № 602, им. Ленина и других⁶².

Феноменом развития советской общественной модели стало формирование особого типа социальной политики, в основе которой, прежде всего, лежал принцип патернализма, что обеспечивало приоритетную роль государства в реализации интересов и потребностей личности. В период Великой Отечественной войны в экстремальных условиях, поставивших под угрозу выживание нации, патерналистская система обнаружила важные по-

ложительные качества: способность мобилизации ресурсов и их целенаправленного использования, возможность быстрого реагирования при решении острых социальных проблем, комплексный подход в решении задач обеспечения минимальных социальных стандартов. Одновременно в этом процессе, в первую очередь при оказании адресной помощи особо нуждающимся категориям населения, меры государственной поддержки сочетались с общественной взаимопомощью. В деятельности общественных организаций и хозяйственных структур проявлялись выполнение рекомендаций центральных и местных органов и, вместе с тем, неформальная забота о нуждах попавших в тяжелую жизненную ситуацию людей.

Примечания

- 1 Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее – ГАНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 3742. Л. 27.
- 2 Правда. 1941. 30 августа.
- 3 Там же. 27 июня.
- 4 Только за период с марта 1943 г по май 1945 г. сумма льгот по Саратовской области составила 365 717 400 рублей. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 88. Д. 470. Л. 67.
- 5 Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. Р-1738. Оп. 6. Д. 38. Л. 302–302 об.
- 6 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3742. Л. 27.
- 7 ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 182. Л. 89.
- 8 Саратовская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Архивные документы. Саратов, 2005. С. 44–45.
- 9 Там же. С. 45–46.
- 10 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2689. Л. 64–64 об.
- 11 ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 862. Л. 234.
- 12 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2706. Л. 102; Д. 2747. Л. 68.
- 13 Там же. Ф. 5. Оп. 11. Д. 1. Л. 176.
- 14 ГАСО. Ф. 1738. Оп. 2. Д. 1424. Л. 134.
- 15 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3620. Л. 319.
- 16 Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. А-415. Оп. 1. Д. 24. Л. 1.
- 17 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3743. Л. 15.
- 18 ГАСО. Ф. Р-461. Оп. 2. Д. 889. Л. 87; ГАНИСО. Ф. 30. Оп. 15. Д. 7. Л. 149.
- 19 ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1424. Л. 132; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 470. Л. 67.
- 20 См.: Саратовская областная партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Документы 1941–1945 гг. Саратов, 1969. С. 199.
- 21 ГАСО. Ф. Р-2052. Оп. 9. Д. 13. Л. 12.
- 22 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 470. Л. 68; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 8. Д. 2. Л. 28.
- 23 Там же.
- 24 ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1434. Л. 129–130.
- 25 Там же. Л. 130.
- 26 См.: Ванчинов Д. П. Указ. соч. С. 201.

- ²⁷ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3814. Л. 33.
- ²⁸ Там же. Оп. 1. Л. 3742. Л. 20.
- ²⁹ См.: *Ванчинов Д. П.* Указ. соч. С. 201
- ³⁰ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3812. Л. 33.
- ³¹ Там же. Оп. 1. Д. 3814. Л. 50.
- ³² См.: *Ванчинов Д. П.* Указ. соч. С. 153; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 1425. Л. 203–204; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 470. Л. 62–63.
- ³³ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 320. Л. 68.
- ³⁴ ГАСО. Ф. Р-2650. Оп. 1. Д. 275. Л. 10.
- ³⁵ В Саратовской области уже в июле 1941 г. было выявлено более 300 беспризорных детей, главным образом из числа эвакуированного контингента. См.: ГАНИСО. Ф. 4158. Оп. 14. Д. 88. Л. 3–4.
- ³⁶ Там же. Л. 56.
- ³⁷ ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 142. Л. 129.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. А-262. Оп. 1. Д. 738. Л. 115–116.
- ³⁹ Там же. Л. 56. На 1 июня 1942 г. в Саратовской области имелось 33 наркомпросовских интерната, 2 интерната Московской окружной железной дороги и интернат завода им. Горбунова.
- ⁴⁰ См.: Саратовская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Архивные документы. С. 71.
- ⁴¹ ГАНИСО. Ф. 4158. Оп. 9. Д. 113. Л. 10.
- ⁴² См.: Саратовская область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Архивные документы. С. 72.
- ⁴³ ГАРФ. Ф. А-2036. Оп. 70. Д. 2793. Л. 90.
- ⁴⁴ ГАНИСО. Ф. 4158. Оп. 9. Д. 114. Л. 6.
- ⁴⁵ Там же. Л. 2–3.
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф. А-2036. Оп. 70. Д. 2793. Л. 90–93.
- ⁴⁷ См.: *Вольф А. Я.* Родом из «Красного городка». М., 1991. С. 72.
- ⁴⁸ См.: Коммунист. 1984. 12 янв.
- ⁴⁹ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2872. Л. 23.
- ⁵⁰ Подробнее о о пребывании испанских детских домов в Саратовской области см.: *Аврус А. И.* Испанские детские дома в Саратовской области в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война в контексте российской истории : материалы межвуз. конф. Саратов, 2000. С. 104–110; *Филаретова В. Л.* Испанские детские дома в период Великой Отечественной войны в Саратовской области // Навеки в памяти народной... : материалы межрегион. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию Победы. Саратов, 16 марта 2010 г. Саратов, 2010. С. 96–100; *Фернандес А. П.* История одной эвакуации : испанский детский дом № 1 в селе Куккус // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История, Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 115–120.
- ⁵¹ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 2749. Л. 142.
- ⁵² См.: *Аврус А. И.* Указ. соч. С. 107.
- ⁵³ Там же. С. 109.
- ⁵⁴ ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3269. Л. 1–2.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 30. Оп. 15. Д. 42. Л. 231, 234.
- ⁵⁶ Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3269. Л. 5; ГАСО. Ф. Р-3373. Оп. 1. Д. 21. Л. 16.
- ⁵⁷ ГАНИСО. Ф. 972. Оп. 1. Д. 179. Л. 11–12.
- ⁵⁸ Там же. Л. 48; Ф. 30. Оп. 15. Д. 42. Л. 232; Ф. 594. Оп. 1. Д. 3379. Л. 58.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 972. Оп. 1. Д. 179. Л. 7–8.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 30. Оп. 15. Д. 42. Л. 235; Ф. 594. Оп. 1. Д. 3269. Л. 2.
- ⁶¹ Там же. Ф. 594. Оп. 1. Д. 3379. Л. 58.
- ⁶² Там же. Ф. 972. Оп. 1. Д. 179. Л. 12.